

УДК 796.032.2

ИСТОРИЯ ОЛИМПИЙСКОГО СПОРТА: АГОНИСТИКА В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА

Н.В. Рекутина

ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный университет физической культуры и спорта»

Для связи с автором: e-mail: recytina@yandex.ru

Аннотация:

В статье рассматривается трансформация агональной традиции, содержания и смысла Олимпийских игр Античной Греции в эллинистическую эпоху. На материалах первоисточников и трудов специалистов по истории античности анализируются процессы десакрализации эллинского агона и изменения его функций в пространстве культуры, описываются новые виды агона. Осмысливается сущность конфликта агональной традиции с зарождающимся христианством.

Ключевые слова: Олимпийские игры, агонистика, состязания, традиции, эллинизм, культура, десакрализация агональной традиции.

HISTORY OF THE OLYMPIC SPORTS: AGONISTICS DURING THE HELLENISM ERA

N.V. Recytina

Siberian State University of Physical Culture and Sports. Omsk, Russia

Abstract:

In the article the transformation of agonalny tradition, the contents and sense of Olympic Games of Antique Greece during the Hellenistic era is considered. On materials of primary sources and works of experts in history of antiquity processes of a desakralization Hellenic agon are analyzed and changes of its functions in culture space, are described new types agon. The essence of the conflict of agonalny tradition with arising Christianity is comprehended.

Key words: Olympic Games, agonistics, competitions, traditions, Hellenism, culture, desakralization of agonalny tradition.

Спорт сопровождает человечество на протяжении всей истории культуры: в виде инициации, ритуала и мифологического праздника - во времена древности, в виде сложного явления культуры, вершиной которого являются всемирные праздники спорта, такие как Олимпийские игры и Универсиады – в современную эпоху.

В истории спорта и олимпизма существуют периоды, когда изменяются его ценности, формы и место в культуре. Такие изменения наблюдаются не только в современном олимпизме, но и в истории античного олимпизма. Наиболее интересным и динамичным периодом в этом отношении является эпоха эллинизма. Изучение истории Олимпийских игр и всей агональной практики этой эпохи позволяет более глубоко осмыслить природу спорта и его связь с другими феноменами культуры.

Целью исследования является выявление

причин снижения гуманистической ценности агонистики в эпоху эллинизма.

В качестве основного метода исследования применялся анализ письменных источников и литературы по истории античной культуры и античного олимпизма.

В культовой практике многих древних народов встречаются ритуалы, имеющие характер атлетического или конного агона. Такие ритуалы в архаических религиях имеют значительное число модификаций своей природы и конечных целей, что не позволяет объединить внешние схожие обряды, связанные с агонем, в безусловно единый семантический ряд. В древних религиях ритуалы агонального характера встречаются в культах плодородия, древних охотничьих ритуалах, в ритуалах сакральной инициации. Они связаны с культом мертвых и героизированных предков, с борьбой царей-магов за власть. В социокультурной практике различных народов мира

атлетический и конный агон встречаются в форме судебного поединка, в ритуалах военного характера и других формах.

Античная Греция принадлежала к тому типу обществ, знаки повседневной жизни которых носили ярко выраженный сакральный характер. В культовой практике Элады значительное место занимали обряды агонального характера, которые в процессе развития эллинского общества и религиозных воззрений в значительной степени видоизменялись.

Многие ритуалы агонального характера восходят к древней эгейской культуре. Ритуалы, связанные с максимальным проявлением физических возможностей человека, были широко распространены в сакральной практике Крита и всех территорий, охваченных влиянием минойской цивилизации. Минойская тавромахия, сцены которой представлены во всех жанрах минойского искусства, в силу своей сопряженности с проявлением высочайшего уровня физических возможностей человека представляется многими исследователями как прообраз эллинской агонистики. Однако есть весомое основание полагать, что минойская тавромахия по своему сакрально-магическому смыслу принадлежит к иному семантическому ряду, являясь элементом сложной мистерии, связанной с человеческим жертвоприношением. Религиозные обряды агонального характера формируются в материковой Греции и на Крите под влиянием перехода к патриархату и существенных изменений в сакральной сфере. Кулачный бой, конные ристания, мужской военизированный бег являлись на Крите и в Микенах важными религиозными обрядами, входили в программу календарных празднеств и, вероятно, были связаны с мужским коррелятом Великой Богини.

Агон гомеровского времени является принадлежностью ахейской культуры, он относится к числу погребальных обрядов ахейцев и имеет ряд характеристик, отличающих его от общеэллинских агонов Элады. Прежде всего, в силу принадлежности к погребальному ритуалу, он имеет специфическую природу и конечные цели, погребальный агон в отличие от общеэллинского агона является установле-

нием частного лица и носит частный характер.

Генетические корни эллинской агонистики, равно как и конкретных агонов, в том числе Олимпийских игр, невозможно отнести к какому-либо одному агональному ритуалу. Имея сложный догреческий субстрат, агонистика Античной Греции приобрела специфические черты и утвердилась как общеэллинская традиция, развиваясь в сфере олимпийской религии.

В эпоху архаики по мере становления олимпийской религии атлетический и конный агон утверждались как ритуалы сакрального комплекса олимпийских богов и героев, они составляли неотъемлемую часть периодических религиозных празднеств Античной Греции. Формирование агональной традиции Элады тесно связано с развитием других феноменов олимпийской религии: зарождением общеэллинских и других крупных святилищ, становлением сакральной архитектуры, деятельностью амфикионий.

В период архаики сложилась система периодических общеэллинских празднеств. Самым древним и самым крупным из них были Олимпийские игры, относящиеся к культу Зевса. Первоначально носившие ярко выраженный дорийский характер, Олимпийские игры к VI в. до н.э. получили общеэллинское значение, что было связано со становлением культа Зевса Олимпийского как универсального общегреческого божества и развитием Олимпии как общеэллинского святилища. В начале VI в. до н.э. было установлено еще три общеэллинских празднества: Немейские, Пифийские и Истмийские игры. Эти празднества, как и Олимпийские игры, были учреждены в связи с деятельностью святилищ, сформировавшихся на месте почитания догреческих божеств. При этом в Олимпии Зевс сменил Пелопса, а Аполлон - микенскую Богиню в Дельфах, в Немейской долине утвердился культ Зевса, вытеснив древнее почитание эолийского Архемора, на Истме ионийский Посейдон приобрел общеэллинское значение. Прежние культы не исчезли, а остались в виде второстепенных. Археологические находки, циклы мифов и преданий,

связанных с этими святилищами, свидетельствуют о том, что древние культы включали в себя ритуалы агонального характера, которые изначально имели сакрально магическое значение, а в новых условиях приобрели и новый сакральный смысл.

Следует отметить, что в связи с развитием олимпийской религии из сферы сакральной практики Элады был исключен погребальный агон, имевший широкое распространение в Ахейской Греции. В процессе развития олимпийской религии культ умерших и погребальный агон, имевший частный характер, уступили место культу героев той или иной местности, ставшему основой новой групповой солидарности и относившемуся к нему общественному агону. Характерно, что во времена Салона государство установило контроль над похоронными расходами, количеством участников похоронных обрядов, типами жертвоприношений и стоимостью надгробных памятников.

Немейские, Пифийские и Истмийские игры изначально были установлены как общеэллинские празднества. Их зарождение было связано с деятельностью конкретных исторических лиц, религиозных объединений (амфиктионий) и имело отношение к определенным историческим событиям и условиям. Программа и традиции этих празднеств строились по образцу Олимпийских игр, но в отличие от празднеств в Олимпии они включали и музыкальные агоны.

Олимпийские, Немейские, Пифийские и Истмийские игры замыкали круг общеэллинских традиций, существовавших на протяжении многих веков этнической истории Античной Греции. Кроме того, в Элладе существовало множество агонов, объединявших различные этнические группы Элады и агонов полийского значения. Все это дает основание утверждать, что агонистика являлась одной из наиболее устойчивых религиозных традиций Античной Греции, которая была важным фактором осознания единства эллинов. В сфере агонистики сформировался ряд общеэллинских установлений, которые существенным образом влияли на становление межполисных отношений в Элладе.

Тема агонистики нашла яркое отражение в произведениях литературы и искусства Античной Греции. Агональная традиция, наиболее ярко проявившаяся в период архаики и классики в сфере атлетического и иппического агона, распространилась на все сферы жизни общества. Немейские, Пифийские и Истмийские игры включали музыкальные агоны, для сопровождения состязаний атлетов в определенных видах программы создавались пьесы для авлоса. В поэзии в связи с традицией чествования победителей сложился особый жанр эпиникий, который нашел место в творчестве наиболее знаменитых поэтов Элады – Симонида, Пиндара и Вакхилида. Агонистика явилась важным фактором развития изобразительного искусства, многие представления о красоте и пропорциях человеческого тела, сложившиеся под влиянием агонистики, были заложены в основу канонов, принятых в изобразительном искусстве. Большое значение агональных ритуалов и телесного воспитания в религиозной и культурной жизни Античной Греции подтверждает несомненное лексическое богатство агонального языка греков. В греческой поэзии классической эпохи (в творчестве Пиндара, Симонида и Вакхилида) продемонстрирована изощренная лексика агонального языка, в философской прозе и документальных эпиграфических материалах содержится значительное число специальных лексем, относящихся к сфере агона, телесного воспитания и педагогической практики эллинов.

В конце классического периода истории Античной Греции обозначился ряд негативных явлений в развитии эллинской агонистики, связанных с упадком традиционных верований. В этот период в контексте кризиса традиционной религии раздается критика и в адрес агонистики, что наиболее ярко выражено у Ксенофана. Кризис агонистики еще более усугубился в эллинистическую эпоху, когда наблюдалась значительная десакрализация агонистики, которая сопровождалась профессионализацией агонистики, усилением ее зрелищной функции и ужесточением правил агона. В римский период в Греции появился и новый вид агона – агон импера-

торского культа, что произошло под значительно усилившимся в это время влиянием восточных религий.

Начиная с IV в. до н.э. понятие «эллин» имело уже не этническое, а культурное содержание. Эллином считался человек, говоривший на греческом языке, получивший греческое образование и придерживающийся греческих традиций. Мощный толчок для этой трансформации понятия дала эллинистическая эпоха, когда после походов Александра Македонского не только сами греки распространились по бескрайним просторам Азии и Африки, но и огромные массы людей, ранее совершенно чуждых эллинской цивилизации, включились в сферу ее влияния. В этот период отмечается значительный рост воздействия на мир эллинской культуры.

Одним из феноменов в истории эллинистического мира, привлекающим наибольшее внимание исследователей, является огромная по масштабу колонизация путем создания новых городов и поселений. Рассматривая вопрос о создании новых городов в первый период эллинизма, исследователи отмечают, что начиная с Филиппа II было основано 180 новых населенных пунктов в различных областях эллинистического мира. В том числе были и города, основанные на старых греческих территориях. Исследователи обращают внимание на то, что основная часть городов, созданных при Александре, находилась в восточной части его империи [21].

Важнейшим фактором распространения эллинистической культуры были многочисленные празднества, характерные для культурной традиции эллинской религии. Период эллинизма был периодом расцвета пышных празднеств, среди них были и традиционные, и вновь возникшие в старых религиозных центрах Греции и в новых полисах и столицах эллинистических царств.

Прежде чем рассмотреть новые направления развития агонистики в период эллинизма, следует, на наш взгляд, рассмотреть вопрос о тех изменениях, которые произошли в традиционной эллинской агонистике, центром которой были Олимпия, Дельфы, Истмийский перешеек и Немейская долина.

Как отмечалось ранее, агонистика Элады в период архаики и классики была важнейшей традицией общеэллинской религиозной жизни. Изменения в религиозной жизни эллинов исследовались в трудах большого числа выдающихся ученых, среди них можно назвать работы Ф.Ф. Зелинского [6], В.В. Латышева [7], А.Ф. Лосева [11] и многих других. Исследователи в большинстве своем определяют этот период как кризис античного язычества. Характер этих изменений и его причины в работе «Античная мифология в ее историческом развитии» рассматривает А.Ф. Лосев, в этой работе он отмечает: «Мифология, являющаяся основой эллинского язычества, в смысле наивной веры кончилась вместе с общинно-родовой формацией, для которой она была ее идеологией. Однако мифология просуществовала в античном мире до самых последних дней, то есть по крайней мере тысячу лет. Правда, мифология этого времени уже не была наивной верой. Она была только формой для совсем других идей, а именно для идей соответствующих периодов античной истории» [11, с.100].

В культовой практике наряду с отправлением традиционных культов, которые осуществлялись главным образом в старых греческих центрах, развивалось почитание нового божества - Тихи, олицетворяющей случай, во власти которого все больше ощущают себя смертные. Взаимодействие же греческой проसлойки эллинистических государств с местным населением восточных областей приводит к синкретизму старых и новых верований. Широкое распространение получил культ заимствованного на Востоке бога Сарapis (Сераписа). Его наделяли функциями Зевса и Плутона, подобно тому как египетского Осириса отождествляли с греческим Дионисом, фригийскую Кибелу - с греческой Реей, матерью Зевса и Геры. Кроме того, с III в. до н.э. возросло значение всякого рода таинств и мистерий, самыми знаменитыми из которых были Элевсинские мистерии, восходящие к древнейшим аграрным ритуалам и прекратившие свое существование, как и Олимпийские игры, при Феодосии I в период 379 - 395 гг. н.э. [7].

Для эпохи эллинизма характерна глубокая разработка научных и научно-философских взглядов на природу, развитие которых привело к окончательной гибели античной мифологии. Философская же реставрация старинной мифологии, наблюдаемая в последние четыре века античной философии, выразилась в том, что философы, понимая под древними богами те или иные философские категории, строили на них целую систему философских воззрений [1, 9, 10, 16].

Резкие изменения в религии и философии в период образования эллинистических монархий отразили упадок старого уклада жизни и возникновение новых условий. В этот период устанавливаются далекие связи и взаимоотношения не только с эллинами, но и с «варварами», специализируется ремесло, совершенствуется техника. Но ничто не могло заменить утраченной политической свободы. Бывший гражданин греческого полиса отныне и политически, и экономически предоставлен самому себе; его судьба зависит от внешних сил, над которыми он не властен. В этих условиях философская мысль, обращаясь к вопросам личности - вопросам морали, цели и смысла жизни, все больше отходит от общеполитических проблем, чтобы дать человеку утешение, моральную поддержку, внутреннюю устойчивость взамен утраченной твердой опоры в полисе.

Традиции классической эпохи продолжались в эллинистический период, но лишь формально. Академия Платона и Ликей Аристотеля продолжали существовать, но держались они главным образом на великих именах своих основателей, а также благодаря тому, что эти школы имели материальную базу: помещения, библиотеки, денежные средства. В период эллинизма большой успех выпал на долю новых философских школ - эпикурейской и стоической, которые исходили из различных этических посылок, но одинаково отвечали стремлению все большего числа граждан эллинистических монархий замкнуться в границах своего индивидуального мира [2].

В философских учениях, получивших наиболее глубокое развитие в период эллинизма,

подчеркивалась противоположность души и тела и ведущая роль духовной жизни. Такие учения уводили их последователей от языческих традиций, в том числе от красочной и древней традиции эллинского состязания атлетов. Тропа, проложенная основателями этих учений, вела к христианству.

Политическая зависимость от Македонии, внешние и классовые войны ослабили экономику материковой Греции, ее города в эллинистическую эпоху были весьма бедными. У них не было тех источников доходов, какими обладали столицы Птоломеев, Селевкидов и Атталидов. Не было, соответственно, и прежних средств для устройства некогда блистательных Великих Священных Агонов, проведение которых теперь вызывало значительные затруднения, однако Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские игры проводились регулярно.

В эллинистическую эпоху кризис полиса и упадок традиционной эллинской религии, о чем было сказано выше, привел к крушению традиционных устоев эллинской жизни. В. Дюрант так пишет об этом периоде эллинской жизни: «Только настойчивое воображение или талант наблюдателя позволяют понять, что значит для нации смерть ее традиционной религии. Классическая греческая цивилизация была построена на патристической приверженности городу-государству, а мораль классического периода, хотя и коренилась скорее в народной традиции, а не в религии, многократно усиливалась верой в сверхъестественное. Но теперь в образованном греке не было ни веры, ни патриотизма; империи стерли привычные государственные границы, а рост знания обеспечил секуляризацию морали, брака, родительских обязанностей и права» [3, с.572].

Исследователи культуры эпохи эллинизма отмечают значительные изменения в литературе и искусстве этого времени. А.Б. Ранович отмечает такие изменения в комедии и поэзии, которая, становясь менее содержательной, приобретает все более изысканную форму. Театральные представления становятся, по мнению автора, более пышными, зрелищно-занимательными, но исчезает глу-

бокое идейное содержание трагедии классического периода [15].

Без сомнения, столь серьезные изменения не могли не коснуться агонистики, являвшейся важной частью традиционной религиозной жизни классической Греции.

Исследователи отмечают, что с IV в. до н.э. обозначается кризис эллинского агона, рассматривая эту печальную тенденцию преимущественно на примере Олимпийских игр [4, 8, 19, 20].

Красочная стихия греческих игр и состязаний в классическую эпоху была той областью эллинской жизни, в которой эллинский классический идеал сказался, пожалуй, ярче всего. Человек, преуспевающий в кулачном бою, в беге колесниц, в метании диска, а также в состязаниях мусических, в пении, в игре на инструменте, в сочинении и постановке пьес, такой человек - *calos sagathos*. В греческой литературе выразителем общественно-демонстративного типа калокагатии является Пиндар, воспевающий победителей состязаний. Доблесть атлета воспевается поэтом на фоне высокой и благородной, величавой и торжественной греческой жизни. Олимпийские игры и прочие состязания, их воспевание у Пиндара, как говорит А.Ф.Лосев, являются наилучшими образцами эллинской классической калокагатии вообще [12, с.293]. Такое отношение к агону и его победителям характерно для классической Греции, это отношение существенно изменилось в эпоху эллинизма. Это изменение выразилось в том, что представители высших слоев общества оставили атлетические виды состязаний, ограничив себя конными соревнованиями. Исследователи отмечают, что после 400 г. до н.э. произошла определенная монополизация атлетических состязаний представителями низших слоев населения [20].

Гален писал о том, что «профессия атлетов» возникла в начале IV в. до н.э.. Она не вызывает симпатии Галена, который критикует атлетику, считая ее примитивным ремеслом. Знаменитый врач пишет о том, что атлетика калечит тело и душу, а атлеты, получающие большие суммы денег, оказываются не в состоянии вести благородный образ жизни с

помощью своего богатства. Чрезмерная же специализация и однобокая диета приводят к отвратительной полноте и одутловатости (Гален, О назначении частей человеческого тела). В период после IV в. до н.э., по свидетельству древних авторов, случаи нарушения правил священных агонов не были редкостью. Такие случаи описывает Павсаний (V. XXI, 1-18). Греческие города, стремясь поднять свой престиж, иногда подкупали победителей крупнейших эллинских агонов, чтобы те объявляли себя гражданами не своей подлинной родины, а подкупившей их общины.

Как отмечает В.В. Латышев, в период эллинизма даже там, где удерживалось древнее богопочитание, а к таким местам, безусловно, относятся Олимпия, Дельфы, Истм и Немейская долина, оно состояло главным образом в пышных жертвах и состязаниях, которые развивались до чрезмерного разнообразия, но уже далеко отступили от строгих древнеэллинских понятий о гимнастическом искусстве.

Об изменении отношения атлетов к правилам агона свидетельствует Павсаний. Рассказывая о медных статуях Зевса, которые были выставлены в Олимпии на деньги из штрафа, который налагается на атлетов, нарушивших правила состязаний. Как замечает Павсаний, первые шесть статуй были поставлены в 98-ю олимпиаду. «Дело в том, что Эвпол Фессалиец подкупил деньгами выступивших вместе с ним кулачных бойцов, Агетора из Аркадии и Пританиса из Кизики, а вместе с ними и Формиона, родом из Галикарнаса, победителя в предшествующей олимпиаде. Говорят, что это было первое преступление, совершенное атлетами против правил о состязании, и первыми, на кого элейцы наложили денежный штраф, были Эвпол и те, которые получили подарки от Эвпола» (Павсаний, V. XXI, 3). В продолжении повествования Павсаний называет целый ряд имен атлетов, нарушивших священные правила агона. Передавая содержание надписей, которыми были снабжены статуи, Павсаний рассказывает: «одно стихотворение хочет показать, что победу в Олимпии можно получить не деньгами, а быстротой ног и крепостью тела» (V, XXI, 4). Другая

надпись гласит, что статуя поставлена в честь бога и благодаря богобоязненности элейцев должна служить устрашением для нарушающих законы атлетов. В надписях выражаются похвалы элейцам, особенно за то, что они наказали кулачных бойцов за участие в подкупе, и подчеркивается, что статуи эти должны стать поучением для эллинов, чтобы никто не давал денег, желая добыть себе победу в Олимпийских состязаниях (V, XXI, 4-5).

Павсаний рассказывает, что «после Эвпала афинянин Каллипп, собираясь выступить в состязаниях пентатла, подкупил своих соперников; это было в 112-ю олимпиаду. Когда элейцы наложили штраф на Каллиппа и на его сотоварищей по состязанию, то афиняне послали Гиперида, чтобы он убедил элейцев сложить с афинян штраф. Когда элейцы отказали им в этом снисхождении, афиняне отнесли к ним с большим пренебрежением, заявивши, что они не будут платить денег и не будут являться на Олимпийские состязания. Но тогда дельфийский бог им сказал, что он ни в чем не будет давать им вещаний, пока они не заплатят элейцам штрафа. Таким образом, им пришлось заплатить, и на эти деньги были сделаны другие шесть статуй в честь Зевса» (Павсаний, XXI. 3, 6).

Смысл надписей, переданный Павсанием, был таков: первая надпись гласила, что статуи поставлены в силу вещания бога, в следующих восхвалялось решение элейцев по поводу этих атлетов, текст одной из этих надписей напоминает, что состязание в Олимпии - это состязание в доблести, а не в богатстве (Павсаний, XXI. 3, 6-7).

Как известно, победа в Великом Священном, особенно в Олимпийском, агоне всегда была в Элладе почетной и в соответствии с эллинским классическим идеалом калокагатии была наивысшим счастьем и признаком особого расположения богов к победителю, его родному городу и к его роду. Это положение дает основание понять, почему до 98-й олимпиады никто не решился на подкуп или другое преступление против священного агона. Бесспорно и то, что в таком контексте клятва атлета, данная перед статуей Зевса была церемонией, имевшей глубокий сакральный смысл,

и для того чтобы нарушить клятву, необходимо было изменить отношение к агону как религиозному действию, что и происходило в IV в. до н.э.

Многие философски мыслящие эллины подвергли критике чрезвычайно увлечение агонистикой и выступили с критикой спортивной идиотии. Недоумение по поводу исключительных почестей, воздаваемых атлетам, Ксенофан выражает следующими словами: «тот, кто в Олимпийских играх выходит победителем в гонах, в скачках, в кулачном бое, естественно, будет обожаем публикой и превратится в почитаемого гражданина родного города. Но все равно он не будет таким достойным, как я. Потому что важнее силы людей и лошадей является наша мудрость. Единственное и самое справедливое, что можно противопоставить силе, - наше знание» [18].

Что же касается непосредственно состязаний атлетов, то изменения здесь выразились в том, что из программы панэллинских игр, за исключением Олимпийских, был исключен пентатлон [19], утрачивался интерес к некогда самым популярным видам состязаний, связанным с бегом. Наибольшую популярность в этот период приобрели борьба, кулачный бой и панкратий, что противоречило древним эллинским представлениям, согласно которым ловкость ценилась выше силы.

Древняя агонистика носила аристократический характер, правила панэллинских состязаний запрещали участие в них иностранцев. Г. Бенгтон приводит такой факт: «Со времени Александра I Филаллина («друга греков»), который правил приблизительно с 495 по 450/440 гг. до н.э., правящий дом был признан греческим, а цари - но только они сами - были допущены к Олимпийским играм».

В рассматриваемый же период в Великих Священных играх принимали участие атлеты со всех концов эллинистического мира.

Распространившееся в эллинистический период образование способствовало развитию гимнастики. Начиная с IV в. до н.э. в эллинистическом мире наблюдается расцвет палестры, но это приводит к противопоставлению гимнастики и агонистики, что ярко выражено во взглядах Аристотеля (Аристотель, Полити-

ка) и к усилению критики в адрес агонистики. Таким образом, мы имеем основание заключить, что в эпоху эллинизма агонистика лишается взрастившей ее почвы, в этот период наступает глубокий кризис традиционной для Греции религии, утрачивает свое значение идеал классической эллинской калокагатии. Кроме того, города материковой Греции испытывают значительные экономические и политические трудности. Все эти факторы приводят к кризису агонистики, который коснулся самых глубинных ее основ, ее сакрального смысла и древнего идеала, воплощая которые в классический период, агонистика являлась феноменом общегреческой общественной и культурной жизни. При этом десакрализация агонистики сопровождалась ростом зрелищности, выразившейся в популярности борьбы, панкратиона и кулачного боя, превратившихся в состязания профессионалов. Эти изменения в отношении греков к агону В. Дюрант выразил следующим образом: «...греки, - писал он, - бывшие когда-то нацией атлетов, стали нацией зрителей, довольствующихся не действием, но созерцанием».

Эти тенденции получили дальнейшее развитие в эллинистических государствах Востока, где сложились условия, в которых лишенная сакрального смысла агонистика приобрела небывалую зрелищность и большое политическое значение.

Самой большой проблемой эллинистической эпохи была проблема взаимоотношений полиса, где живы были идеи абсолютной его свободы, с монархией, для которой очень важно было установить контроль над всеми политическими образованиями, находящимися под ее властью [5]. В конечном счете, хотя цари постоянно подчеркивали свое стремление сохранить свободу греческих городов, во всех случаях, когда им это было необходимо, они ее нарушали. Право царя на послушание со стороны полиса определялось тем, что царь постоянно выступал как благодетель полиса. Взамен полисы должны были демонстрировать свою добрую волю по отношению к покровителям. Наивысшим проявлением доброй воли было установле-

ние царского культа. Именно эта формула взаимоотношений позволяла отчасти согласовать традиционные полисные ценности с новой исторической реальностью [13].

Эта новая историческая обстановка вызвала необычную популярность агонистики на эллинистическом Востоке и увеличение числа различного рода празднеств, включавших состязания в Греции, где это явление распространилось после распада империи Александра.

Как известно, в Элладе никогда не существовало официального царского культа. Однако Александр Македонский потребовал от греков включить себя в число богов, чтобы обеспечить себе полную политическую власть. Обожествление, которого потребовал Александр, как известно, не состоялось. Однако приемники Александра внедрили императорский культ, который имел важное значение в качестве средства создания единства государства.

Традиции Великих Священных игр Античной Греции, где состязания атлетов были древнейшей принадлежностью культа олимпийских богов, были определенной основой для внедрения императорского культа. Так, на острове Делос помимо традиционных празднеств в честь Аполлона и в честь Диониса устраивались новые празднества в честь «благодетелей» - Антигонидов, Птолемеев, эллипцев. В эллинистическом мире приобрели широкую известность торжества в Феспиях (Беотия), в Дельфах, на острове Кос, в Милете и Магнессии. Грандиозным празднеством стали Птоломейи в Александрии, которые по своему размаху приближались к Олимпийским играм.

Демонстрируя свое могущество и почтение к эллинским традициям, правители эпохи эллинизма нередко обращались в Элладу за разрешением дать играм, проводимым в их столицах, название «Олимпийских» и получали такое разрешение. Таким образом, состязания, проходившие в крупных эллинистических центрах, имеющих значительное географическое удаление от Эллады, носили название «Олимпийских», ученые называют 27 таких мест в различных эллинистических государствах [14].

В наиболее богатых столицах эллинистиче-

ских государств были построены прекрасные спортивные сооружения: стадионы, ипподромы, палестры. Особенно широко развернулось градостроительство во II в. до н.э., на это время приходится строительство наибольшего числа городов, основанных эллинистическими монархами, а также осуществляется переименование и перестроение некоторых старых городов материковой Греции.

В IV в. до н.э. Олимпия сохраняла значение крупного религиозного центра, в это время здесь были достроены ипподром, святилище Деметры и храм Матери богов - Метроон, были возведены сокровищница македонских царей, Филиппейон и портик Эхо, семь раз отражающий звук.

На первый взгляд, эти события можно считать свидетельством того, что Олимпия и ее агон занимают прежнее место в жизни эллинов. Однако обращает на себя внимание характер новых культовых сооружений, который свидетельствует об упадке древних религиозных традиций, связанных с Олимпией и Олимпийскими играми. В классические времена Олимпия и Олимпийские игры связаны с культом Зевса Олимпийского и по своему характеру значительно отличались от культа хтонических богов, к числу которых относилась Деметра. Мать богов можно считать пришельцей с Востока, а сокровищница македонских царей не могла быть построена во времена классики, так как македонцы тогда считались у эллинов иностранцами и только Александр I в V в. до н.э. добился для представителей царского дома права участвовать в Олимпийских играх.

Однако авторитет традиций древнего эллинского агона был так высок, его уходящая в мифологическое прошлое история так привлекательна, что в новых условиях агон остается важной частью политической и культурной жизни эллинистического мира. Каждая из новых его столиц стремилась устроить периодическое празднество, которое поразило бы весь эллинистический мир своим блеском и роскошью. Крупнейшим центром эллинистической агонистики становится столица царства Селивкидов - Антиохия, блистательные агоны проходят в Александрии, Пергаме,

Приене, Никее и Дура-Эвропосе.

Источники сохранили описание грандиозного празднества, устроенного в 165 г. до н.э. Антионом IV в Дафне (возле Антиохии), где находилась священная роща Аполлона и Артемиды: в торжественном шествии, открывавшем праздник, участвовали пешие и конные воины (около 50 тысяч), колесницы и слоны, 800 юношей в золотых венках и 580 женщин, сидевших в отделанных золотом и серебром носилках; везли бесчисленное количество богато украшенных статуй богов и героев, многие сотни рабов несли золотые и серебряные предметы, слоновую кость. Торжества длились 30 дней, в течение которых шли гимнастические игры, единоборство, театральные представления, устраивались охоты и пиры на тысячу и полторы тысячи человек (Поллибий, III, 5, 2). На такие празднества стекались участники со всех концов эллинистического мира.

Среди найденных в Египте папирусов особую группу текстов составляют приглашительные билеты на различные торжества и трапезы культового назначения, главным образом в честь Сараписа, в которых содержатся ценные сведения о почестях, которые воздавались победителям агонов, среди них: венки, дипломы, памятные призы, освобождение от налогов и литургии, пожизненное содержание со стороны городского совета, право на которое могло даже продаваться или передаваться по наследству, почетное гражданство [17].

Среди этих почестей обращает на себя внимание предоставление почетного гражданства. В эллинистический период человек мог быть гражданином одновременно нескольких государств, знаменитые атлеты были среди тех, кто чаще других пользовался этим правом.

Таким образом, празднества и развлечения, игравшие большую роль в общественной жизни крупнейших городов эллинистического мира, воспроизводили многие черты Великих Священных игр Греции, они включали как обязательный элемент торжественное шествие, жертвоприношения, состязания атлетов и конные агоны. Однако это сходство в большей части ограничивалось воспроизведением внешних черт эллинского агона. Эти

пышные празднества, утратив сакральный характер, в эллинистическом мире служили важнейшим средством утверждения императорского культа, удовлетворения честолюбия и местного патриотизма, в определенных случаях являлись поводом для выражения верноподданнических чувств.

Если центр эллинистической агонистики сместился во II в. до н.э. на эллинизированный Восток, то вслед за этими географическими изменениями изменилось и смысловое значение агонистики, в этом отношении центр тяжести сместился с религиозных на политические аспекты.

Одним из символов формирования эллинистической культуры стало распространение эллинистического образа жизни и эллинской системы образования. В восточных городах, получивших статус полиса, сохранились специфические полисные институты, важное место среди которых занимали гимнасий и эфебия.

Рассматривая особенности эллинистической эпохи, исследователи отмечают, что главным ее признаком было распространение греческой культуры, греческой образованности, греческого образа жизни [2]. Однако распространение греческой культуры на эллинизированном Востоке имело определенные ограничения, эллинизированной являлась, как правило, верхушка общества, народные массы по-прежнему говорили на своих родных языках, следовали исконным обычаям, почитали отеческих богов. Вдали от средиземноморского побережья греческая прослойка истончалась, и такие эллинизированные центры, как Селевкия, были греческими островками посреди восточного моря. Такое положение определило особый характер эллинистической культуры, которая не была единообразной, в каждой области эллинистического мира она формировалась в результате взаимодействия местных устойчивых традиционных элементов с культурой, принесенной завоевателями и переселенцами, греками и негреками. Сочетание этих элементов и форма синтеза определялась воздействием многих обстоятельств: численным соотношением различных этнических групп, уровнем

их культуры, политической обстановкой - специфическими для данной местности.

Ярким примером синтеза эллинских и восточных религиозных традиций был сложившийся в эллинистический период культ Сараписа (Сераписа), который соединил греческие и восточные черты. Сарапис почитался как бог плодородия, подземного царства, моря и здоровья. Изображался Сарапис в виде человека с мерой зерна на голове. Птоломей I ввел культ этого божества в Александрии и всячески пропагандировал этот культ. Птоломей I приказал перевезти из Синопы культовое изображение Зевса, которому дал имя, составленное из имен божественного быка Аписа и бога мертвых - Осириса [3, с.526]. Этот синкретический культ широко распространился по всему эллинистическому миру.

Можно предположить, что этот культ явился одним из факторов широкого распространения агонистики в эллинистическом мире, так как поклонение этому божеству носило эллинский характер и было тесно соединено с конными агонами и состязаниями атлетов.

Однако в период эллинизма, давшего мощный стимул к религиозному синкретизму, не произошло ни слияния религий, ни слияния рас, ни слияния культур. Свообразный разум Востока не воспринял характерных особенностей греческого интеллекта, с течением времени восточный стиль мышления и чувствования проникал из низов в правящую греческую верхушку, что наложило свой отпечаток на Запад, в частности это выразилось в том, что греческие цари и римские императоры стали на восточный лад богами, а азиатская теория о божественном праве царей позднее укоренилась в Риме и Константинополе. И этот новый культ владыки в качестве одного из важнейших элементов включал состязания атлетов, конные ристалища и позднее - игры гладиаторов. При этом особое значение придавалось пышности и зрелищности.

Таким образом, мы видим, что античный религиозный синкретизм, проявившийся в культе Сараписа и культе владыки, способствовал тому, что агон, утратив некоторые ранее свойственные ему черты, в то же время

в силу принадлежности к новым синкретическим культам был широко распространен в эллинистическом мире.

Однако в эллинистическую эпоху зарождалось немало конфликтов, многие из них стали достоянием истории и могут быть охарактеризованы в нескольких словах. Но среди них был и такой, который являлся выражением долговечного раскола в чувствовании и мысли человечества. Ареной этого конфликта была Иудея (то есть Палестина к югу от Самарии), которая долгое время пребывала под властью Птолomeев.

Иудея выплачивала ежегодную подать в восемь тысяч талантов, но несмотря на это бремя была вполне благополучной. За Иудеей была сохранена значительная степень самоуправления, во главе ее стояли наследственные первосвященники Иерусалима и Большое собрание, эта герусия, или совет старейшин была одновременно сенатом и верховным судом. Она состояла из семидесяти или более членов, избравшихся из глав наиболее видных семейств и из самых выдающихся ученых Иудеи. Ее постановления - *Dibre Soferim* - определяли модель ортодоксального иудаизма, основой иудейства была религия. Религиозное представление о зорком и помогающем божестве пронизывало собой все фазы и элементы еврейской жизни.

Иудейская религия презирала традиции греческого обряда, она не желала иметь ничего общего с кумирами, оракулами, гаданиями, она была менее антропоморфична, менее красочна, чем религия греков. Искусства в Иудее были неразвиты, из всех его видов процветала только музыка, евреям были знакомы флейта, барабан, кимвал, «бараний рог», или труба, лира и арфа, которые аккомпанировали голосу.

Традиция эллинского агона была совершенно чужда для иудейской религии, которая диктовала условия простой пуританской жизни. Развлечения и игры у иудеев были редкими и сдержанными. Из Библии мы можем узнать о том, что еврейские дети забавлялись и играли непосредственно на улицах города. «И улицы города сего (Иерусалима) наполнятся отроками и отроковицами, играющими

на улицах его» (Зах. VIII, 5). Из книги Иова (XI, 24) видно, что дети евреев забавлялись прирученными птичками и подражали в своих играх обрядам брака и погребения. Для взрослых считалось забавою и увеселением беседы в собраниях, приправленные шутками (Иер. XV, 17) и решением различных загадок (Суд. XIV, 10-14). Из множества игр, известных в античном мире, комментаторы Библии упоминают только об игре в кости, которая, вероятно, была заимствована евреями у египтян. Строгие нормы морали и поведения, регулируемые герустией, не оставляли места в жизни иудеев для каких-либо публичных развлечений, игр и состязаний.

Иудею обнимало кольцо греческих поселений и городов: Самария, Неаполь, Газа, Аполлония, Дорида, Сикамина и др. По другую сторону Иордана располагались города, объединенные в греческое десятиградье, каждый из которых имел греческие институты и учреждения: храмы греческим богам, школы и академии, гимнасии и палестры; проводились состязания нагих отроков. Из различных городов эллинистического мира в Иерусалим приезжали греки и иудеи, принося с собой элементы греческого образа жизни. Однако поддавались соблазну лишь немногие евреи, в первую очередь те, которые старались занять высокие должности. Самые же религиозные из иудеев объединились в секту хасидов - «благочестивых», они начали (около 300 г. до н.э.) с обета воздержания от вина, позднее, когда усилился натиск эллинизма, они впали в крайний пуританизм и порицали любое телесное удовольствие как капитуляцию перед сатаной и греками.

Такое столкновение религиозных и этнических традиций привело к тому, что агонистика оказалась в центре этого столкновения как важная черта греческого образа жизни, чуждая и неприемлемая для иудеев. Это противоречие еще более обострилось, когда Антиох Эпифан предпринял попытку навязать Иудее эллинизм убеждением меча.

В 198 г. Антиох III победил Птолomeя V и сделал Иудею частью селевкидской державы, его наследник Антиох IV назначил на должность первосвященника представителя элли-

нистической партии в Иерусалиме Иасона, который добился позволения учредить в Иудее греческие институты.

В Иерусалиме был открыт гимнасий, и еврейские юноши, даже священники, обнаженными участвовали в атлетических играх; в эллинистическом угаре некоторые молодые евреи даже подвергались операции, чтобы исправить физиологический недостаток, способный открыть их этническую принадлежность. При первосвященнике Менеласе Яхве был отождествлен с Зевсом, храмовая утварь была продана для пополнения казны, а в некоторых еврейских общинах приносились жертвы эллинским богам.

Понимая, что вызов брошен самому существованию их религии, большинство еврейского народа выразило поддержку хасидам и был поднят мятеж, после подавления которого начались кровавые события насильственной эллинизации.

Примечательно, что на страницах Первой и Второй Маккавейских Ветхого Завета книг среди описания кровавых событий борьбы иудеев за свою веру находится место, чтобы выразить полное неприятие иудеями традиций эллинского агона, противного их вере.

В Первой Маккавейской книге об уже известных нам событиях времен царствования Антиоха Епифана говорится следующее: «Некоторые из народа изъявили желание и отравились к царю; он дал им право исполнять установления языческие. Они построили в Иерусалиме училище по обычаю языческому и установили у себя не обрезание и отступили от святого завета, и соединились с язычниками, и продались, чтобы делать зло» (I Мак. I, 13-14).

Во второй Маккавейской книге повествуется о том, что гимнасий в Иерусалиме был выстроен по инициативе первосвященника Иасона, купившего себе первосвященство за несколько сот таланов серебра. Об Иасоне и порядках в выстроенном по его инициативе гимнасии повествуется следующее: «Когда царь дал согласие, и он получил власть, тотчас начал склонять одноплеменников своих к Эллинским нравам. Он отверг человеколюбиво представленные Иудеям царские льготы по ходатайству Иоанна, отца Евполемова, ко-

торый предпринимал посольство к Римлянам о дружбе и союзе; нарушая законные учреждения, он вводил противные закону обычаи.

Намеренно под самую крепость построил он училище для телесного упражнения юношей и, привлекая лучших из юношей, подводил их под срамную покрывку. Так явилась склонность к Эллинизму и сближению с иноплеменничеством вследствие непомерного нечестия Иасона, этого безбожника, а не первосвященника, так что священники перестали быть ревностными к служению жертвеннику и, презирая храм и не радея о жертвах, спешили принимать участие в противных закону играх палестры по призыву бросаемого диска. Ни во что ставили они отечественный почет; только Эллинские почести признавали наилучшими» (II Мак. IV, 10-15).

В приведенном фрагменте не только приводится факт попытки внедрения традиции эллинской агонистики в Иерусалиме, но и дана его оценка с позиции первоначального христианства.

Из II Маккавейской книги мы узнаем и о существовании периодического агона в столице Феникии Тире и событиях, связанных с ним. «Когда праздновали в Тире пятилетние игры, и царь присутствовал там, тогда нечестивый Иасон послал туда зрителями Антиохиян из Иерусалима, чтобы доставить триста драхм серебра на жертву Геркулесу; но сами принесшие просили не употреблять их на жертву, считая это неприличным, а назначить на другие расходы: итак им посланы эти деньги в жертву Геркулесу от имени посылавшего, а принесшими они обращены на устройство гребных судов» (II Мак. IV, 18-20).

Таким образом, агонистика, являвшаяся важной традицией античного язычества, и общеэллинские игры, носившие культовый характер, ставшие в классические времена наряду с Дельфийским оракулом главным религиозным объединением эллинов, были в глазах иудеев пределом скверны и безбожия. Любому читателю Первой и Второй Маккавейских книг определенно бросится в глаза то, какую болезненную реакцию вызывали попытки ввести в Иудее традицию эллинских зрелищ, агонов и телесных упражнений, которые ста-

ли неотъемлемой частью жизни большинства эллинизированных городов. Не принесла значительных успехов в отношении эллинизации Иудея деятельность Ирода I, построившего в Иерусалиме гимнасий, театр, стадион и устраивавшего каждые 4 года общественные игры, она вызывала резкое осуждение иудеев. Если традиция эллинского агона не была воспринята иудеями, то греки были восхищены стойкостью хасидов, а Первая и Вторая книги Маккавейские снабдили христианство прототипами христианских мучеников.

Кризис агонистики, начавшийся в конце классической эпохи, был вызван общим кризисом полиса как основы социально-политического устройства, болезненно отразившимся на всех сферах общественной и культурной жизни Эллады. Разрушительные для олимпийской религии явления интеллектуальной жизни и влияние восточных культов привели к значительным изменениям религиозных традиций и сакральной практики. В эпоху эллинизма

и римский период наблюдался интенсивный процесс десаκραлизации агона. Утрачивая медальное значение и смысл, агонистика продолжала свое существование в качестве феномена, символизирующего принадлежность к эллинской традиции. Под влиянием римских агональных традиций Рима в римский период значительно усилилась зрелищная и политическая функция агона, сложился новый вид агональной практики – агон императорского культа, распространившийся на всей территории Римской империи.

В период раннего христианства агонистика находилась в центре конфликта между язычеством и христианством, что в значительной степени повлияло на сокращение агональной практики. При этом стремление властей использовать агон в политических целях привело к тому, что некоторые виды агона (преимущественно иппического) продолжали существовать до последних веков античности в качестве культурного феномена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверенцев, С.С. Греческая «литература» и ближневосточная «словесность» / С.С. Аверенцев. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 205-211.
2. Блаватская, Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени / Т.В. Блаватская. – М.: Наука, 1983. – 325 с.
3. Грант, М. Греческий мир в доклассическую эпоху / М. Грант; пер. с англ. Т. Азаркович. – М.: Терра-Книжный клуб, 1998. – 528 с.
4. Зайцев, А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII-V вв. до н.э. / А.И. Зайцев. – Л.: ЛГУ, 1985. – 207 с.
5. Залюбовина, Г.Т. Кризис полисной идеологии в Афинах во II половине V в. до н.э. / Г.Т. Залюбовина // Проблемы истории античной гражданской общины. – М.: МГЗПИ, 1982. – С. 7-27.
6. Зелинский, Ф.Ф. Древнегреческая религия / Ф.Ф. Зелинский. – Пгд.: Огни, 1918. – 127 с.
7. Зелинский, Ф.Ф. Из жизни идей: в 4 т. / Ф.Ф. Зелинский. – М.: Ладомир, 1995. – 340 с.
8. Латышев, В.В. Очерки греческих древностей: в 2 ч / В.В. Латышев. – СПб.: Безобразова. – С. 1888-1889.
9. Лопухова, О.Б. Религия и общество (обзор) / О.Б. Лопухова // Методика и методология изучения античной культуры: культура классической Греции в зарубежных исследованиях. – М.: Наука, 1988. – С. 102-110.
10. Лопухова, О.Б. Структурализм и исследование греческой религии (обзор) / О.Б. Лопухова // Методика и методология изучения античной культуры: культура классической Греции в зарубежных исследованиях. – М.: Наука, 1988. – С. 85-101.
11. Лосев, А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А.Ф. Лосев. – М.: Учпедгиз, 1957. – 620 с.
12. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А.Ф. Лосев. – М.: Ладомир, 1994. – 538 с.
13. Маринович, Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология / Л.П. Маринович // Человек в античном мире. – М.: Наука, 1998. – С. 295-363.
14. Пельман, Р. Очерк греческой истории и источниковедения: пер. с нем. С.А.Князькова / Р. Пельман. – СПб.: О-во вспоможения окончившим курс наук на СПб. высш. женск. курсах, 1910. – 386 с.
15. Ранович, А.Б. Восточные провинции Римской империи в I-III вв. / А.Б. Ранович. – М-Л.: Акад. наук СССР, 1949. – 264 с.
16. Сергеев, К.А. Представление о культуре в античности, средневековье, возрождении / К.А. Сергеев, Р.В. Светлов // Философия культуры. Становление и развитие. – СПб.: «ЛОН», 1988. – С. 10-28.
17. Фихман, И.Ф. Введение в документальную папирологию / И.Ф. Фихман. – М.: Наука, 1987. – 520 с.
18. Шанин, Ю.В. Олимпия. История античного атлетизма / Ю.В. Шанин; под общ. ред. проф. В.И. Кузищина. – СПб.: Алетей, 2001. – 191 с.
19. Кун, Л. Всеобщая история физической культуры и спорта / Л.Кун; пер с венг. под ред. В.В. Столбова. – М.: Радуга, 1982. – 400 с.
20. Плекет, Х. Идеология атлетизма / Х. Плекет // Международное спортивное и олимпийское движение: история, теория, практика: междунар. ст. науч. Материалов. – Воронеж, 1999. – Вып. 2. – С. 36-49.
21. Judeich, W. Zur ionischen Wanderung / W. Judeich // RhM. – Frankfurt, 1933. – Bd. 82, N 4. – S. 305-314.

BIBLIOGRAPHY

1. Averentsev, S.S. Grecheskaya "literature" I blizhnovostochnaya slovesnost / S.S. Averentsev / Ritorika I istoki evrejskoi literaturnoi traditsii. – M. : Shkola Jaziki Russkoi kulturu school, 1996. – pp. 205-211.
2. Blavatskaya, T.V. Iz istory Grecheskoi intelligenstii Ellenistic vremeni / T.V. Blavatskaya. – M : Nauka, 1983. – 325 p.
3. Grant, M. Grecheskii mir v doclassical epochu / M. Grant; perevod s angl. T.Azarkovich. – M : Terra-Knizhny club, 1998. – 528 p.
4. Zaitsev, A.I. Kulturnui perevorot v Drevnei Grezii VIII-V vv. do n.e. / A.I. Zaitsev. – L. : LGU, 1985. – 207 p.
5. Zalyubovina, G.T. Krizis polisnoi ideologii v Afinah vo II polovine V v. do n.e. / G. T. Zalyubovina // Problemu istorii antichnoi grazhdanskoj obschinu. – M. : MGZPI, 1982. – pp. 7-27.
6. Zelinsky, T.T. Drevnvegresheskaya religia / F.F. Zelinsky. – Pgd. : Ognj, 1918. – 127 p.
7. Zelinsky, F.F. Iz zhizni idei: v 4 t./F.F. Zelinsky. – M: Ladomir, 1995. – 340 p.
8. Latyshev, V.V. Ocherki Grecheskoi antichnosti: in 2 ch./V. V. Latyshev. – SPb. : Tip. Bezobrazova, 1888-1889.
9. Lopukhova, O.B. Religiya I obchestvo (obzor) / O. B. Lopukhov//Metodica I metodologiy izychenuy antchnoi kulturu: kulturu classicheskoi Grezii v zarubezhnyh issledovaniyah. – M: Nauka, 1988. – pp. 102-110.
10. Lopukhova, O.B. Strukturalizm i issledovaniya Grecheskoi religii (obzor) / O. B. Lopukhov// Metodica I metodologiy izychenuy antchnoi kulturu: kulturu classicheskoi Grezii v zarubezhnyh issledovaniyah. – M: Nauka, 1988. – pp. 85-101.
11. Losev, And. T. Antichnaya mithologiyay v ee istoricheskom oique mythology in its historical development / A.F. Losev. – M: Uchpedgiz, 1957. – 620 p.
12. Losev, A.F. Istoriya of an antique esthetics. Early classics / A.F. Losev. – M: Ladomir, 1994. – 538 p.
13. Marinovich, L.P. Grazhdanin during the holiday Great Dionysius and sheet ideology / L.P. Marinovich//the Person in a classical antiquity. – M: Science, 1998. – pp. 295-363.
14. Pelman, R. Ocherk of the Greek history and source study: the lane with it. S.A.Knyazkova/R. Pelman. – SPb. : O-in vspomozheniye ended a sciences course to SPb. vych. zhensk. Courses, 1910. – 386 p.
15. Ranovich, And. B. East provinces of the Roman Empire in the I-III centuries / A.B. Ranovich. – M-L. : Publishing house Akkad. sciences of the USSR, 1949. – 264 p.
16. Sergeev, To. And. idea of culture in antiquity, the Middle Ages, revival / K.A. Sergeev, R. V. Svetlov // culture Philosophy. Formation and development. – SPb. : Publishing house of "BOSOMS", 1988. – pp. 10-28.
17. Fikhman, I.F. Vvedeniye in documentary papyrology / I.F. Fikhman. – M : Science, 1987. – 520 p.
18. Shanin, B.B. Century Olympia. History of antique athleticism / Yu.V. Shanin; under a general Edition of prof. V.I. Kuzishchina. – SPb. : Алетейя, 2001. – 191 p.
19. Kuna, L. General history of physical culture and spot / L.Kun; per with veng./Pod red. V. V. Stolbov. – M: Rainbow, 1982. – 400 p.
20. Pleket, H. Ideologiya of athleticism / H.Pleket / International sports and Olympic movement: history, theory, practice: междунар. Art. науч. Materials/Voronezh. Olympus. Akkad. ; отв. edition of E.A.Stebletsov. – Voronezh: [B. and.] 1999. – Vyp. 2. – pp. 36-49.
21. Judeich W. Zur ionischen Wanderung /W. Judeich // RhM. – Frankfurt, 1933. – Bd. 82, N 4. – pp. 305-314.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рекутина Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории физической культуры и спорта Сибирского государственного университета физической культуры и спорта